

При этом сознание и мышление – взаимодополняющие грани бытия в культуре, «в горизонте личности» (Библер, 1995). Цель «разума культуры» (XX в.) - «понять всеобщее бытие в его начале... «как если бы» это было произведение культуры... Бытие понимается как вечное и бесконечное, и вместе с тем, как любое произведение, создается заново» (Библер, 1997). Культура есть *диалог* культур – произведений, авторов, героев, читателей. Творчески относиться к миру и себе – значит участвовать в *общении* «разумов»-личностей, создавая и воспринимая произведения. При этом поступок, по Библеру, актуализирует образы «безысходных перипетий» мысли и действия из произведений разных эпох, отложившиеся в сознании и подсознании индивида «годовыми кольцами нравственности». Но образы – не столько «образцы» и источники норм, сколько реплики диалога «в большом времени» (выражение Бахтина), вовлекающие личность в *создание* ценностей (Библер, 1997). Определенный, окончательный поступок – выбор *сознанием* одной ценности вместо желаемого примирения разных абсолютов – тут же ставит их под сомнение, оказываясь актом *мысли*. Такое развитие Библером идеи поступка в сопряжении с установкой на произведение (ценностно-смысловую модель бытия) перспективно для развития диалого-культурологической концепции личности.

МНОГОУРОВНЕВАЯ МУЛЬТИПЛИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕШЕНИЙ И ВЫБОРОВ ЧЕЛОВЕКА КАК КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Корнилова Т.В. (Москва)
tvkornilova@mail.ru

Расширение круга методологических принципов психологии неразрывно связано с развитием как естественнонаучного и гуманитарного знания, так и с развитием философии науки. Сегодня усилий требует осмысление того этапа научного знания, которое характеризуется как неклассическая наука. В этом контексте важно как освоение принципа неопределенности, связываемого именно с этим этапом, так и переосмысление путей развития психологии. Субъектно-деятельностный подход А.В. Брушлинского, получивший продолжение в психологии человеческого бытия и психологии субъекта, может рассматриваться и с точки зрения расширения системы методологических принципов в психологии, и с точки зрения вклада в такое направление, как психология мышления; в данном случае я имею в виду книгу «Мышление и прогнозирование» Андрея Владимировича, многие положения которой получают новое звучание применительно к такой развивающейся области, как психологии неопределенности.

Развитие этой области включило необходимость отстаивания принципа неопределенности в рамках методологических основ психологии (Корнилова, Смирнов, 2006). В собственно психологическом плане он стал основой понимания динамического характера становления регулятивной функции психического (в нашей модели – как конкретизация понятия динамических регулятивных систем) (Корнилова и др., 2010), изменений в соотношении таких категорий, как сознание и самосознание личности (Новикова, Корнилова, 2012), толерантность к неопределенности и рациональность, личность и мышление, знания и новообразования.

Принятие принципа неопределенности позволяет понять, что означает принятие решения как выбор личности (не называю его личностным, чтобы не входить в противопоставление классификации «рационального» и «личностного» выбора).

Используем важный метафорический термин, характеризующий, по М.К Мамардашвили, неклассический подход к субъекту познания (применительно к неклассическому идеалу рациональности) и его характеристику временной перспективы личности перед лицом ситуации – «зазор» (предшествующим понятием выступала «лямбда» Наблюдателя). Зазор в ситуации выбора означает, что человек не оценивает одновременно и ситуацию, и себя; он может это делать только в последовательном осознании. Если иметь в виду не временной зазор, а бытийный – в условиях неопределенности, то в ситуации выбора это может быть зазор между личностными ценностями (которые представлены сознанию человека) и теми исходами, или решениями, какие будут выбраны. И хотя в регуляцию выбора включены и соотносимые с другими актуализируемыми процессами ситуационные ориентиры, именно самосознание – ведущий уровень принятия решения.

Человек каждый раз заново осознает, каким образом он соотнесет свой выбор и с требованиями ситуации, и с требованиями к себе, в частности с личностными ценностями. Он может как следовать, так и не следовать им в данной ситуации. Это не означает, что ценности не сформировались; это означает произвольность решения и критичность личности. Иначе, как это было показано исследованиями интолерантной личности, следование принятым (высоким) ценностям может приводить не просто к ригидности и авторитарности, но и к слепому фанатизму (что уже не предполагает обратимости решений). Итак, необходимо предполагать не только личностные компоненты регуляции выбора, но и произвольность (а значит, и динамику) следования им.

Психология прошла достаточно большой путь преодоления рационалистской, или логистической, трактовки мышления, и даже в представлении о преимущественно мыслительном опосредствовании принятия решений термин «рациональный» не может заменить термина «интеллектуальный». При этом изменение методологических критериев рациональности существенно повлияло на смену постановки проблемы интеллектуальных решений человека. Человек «разумный», как и человек «почвенный», непрерывно «заняты» процессами целеобразования, принятия решений и другими формами самоопределения, без которых не может решаться вопрос их онтологического присутствия в этом – предметном – мире.

Какова бы ни была картина мира и человека в нем, с него не снимается ответственность за его собственную жизнь, за те каждодневные решения (включая обыденные и судьбоносные), которые он принимает. Принятие же решений (включая процессы свободного волеизъявления и самоопределения личности) необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не говоря об отличиях объективных и субъективных ее репрезентациях). Итак, суть человеческого бытия – постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований его решений и действий.

Новая область психологических исследований – психология неопределенности – стала подготавливать развитие иных объяснительных парадигм, чем базировавшиеся на традиционно принятых принципах детерминизма и единства сознания и деятельности. Именно по отношению к последнему из названных принципов О.К. Тихомиров (1992) предполагал необходимость его переосмысления в свете нового мышления в самой психологии, что подразумевает развитие системы психологических понятий и интерпретационных схем, построенных на новых основах.

Особое значение имело освоение принципа неопределенности для формулирования положений развиваемой мною психологической концепции множественной («мультипликативной») и многоуровневой (функционально-уровневой) регуляции выбора, предполагающей опору человека на целостное функционирование его интеллектуально-личностного потенциала. Применительно к психологической регуляции выборов в условиях неопределенности это означало выход за пределы прежних подходов в психологии принятия решений (Корнилова, 2003, 2013).

Выбор есть там, где существует неопределенность его критериев, необходимость прогнозирования последствий и построения оснований предпочтений альтернатив (если критерии определены, их можно формализовать и отъять от субъекта, лишив его тем самым акта выбора как преодоления субъективной неопределенности). Для решения как акта выбора оказываются при этом важными два аспекта: необходимость приложения субъектом интеллектуально-личностных усилий, отражаемых новообразованиями, и иерархизации «здесь и сейчас» тех парциальных систем (названных динамическим регулятивными системами – ДРС), в которых осуществится динамическое структурирование всех опосредствующих выбор процессов, как когнитивных, так и эмоционально-личностных.

Идея многоуровневости – как психологической реальности, так и обобщений в теоретических психологических объяснениях – развивается в современных концепциях в различных областях психологии. Но она совсем необязательно предполагает выход объяснения за рамки психологических систем или взаимодополнительность психологических и непсихологических объяснений. Постановка проблемы взаимопроникновения разных уровней причинности, неразрывно связанная с принятием принципа неопределенности, – сравнительно новая и достаточно сложная задача, в решении которой видится один из путей преодоления простых объяснительных схем, а точнее – постулата непосредственности во множестве его вариантов в понимании психологической регуляции выбора. Другой методологический аспект – множественной системной детерминации принятия решений – предполагает различия процессов, одновременно опосредствующих становление предпочтений выбора. На основе этих двух идей (многоуровневости и множественности процессов, опосредствующих становление принятия решения) мы обосновываем плюралистичность взглядов на решения и выборы человека и невозможность следования какой-то одной теории в построении их психологического объяснения.

В докладе далее будет рассмотрена модель, репрезентирующая взаимосвязи анализа основных составляющих функциональной регуляции выборов и решений.

Новообразования в ходе решения задач и принятия решений могут пониматься как результаты последовательностей актов преодоления субъективной неопределенности. Тогда понятие саморегуляции должно пониматься не как надстраиваемый над другими уровнями психической регуляции метаконтроль, а как складывающаяся здесь и сейчас динамичекая регулятивная система. Общность разных типов выбора заключается именно в том, что преодолевается (разрешается) ситуация неопределенности, и состоявшееся решение – это реализованный уровень саморегуляции и метакогниций.

Такое обращение к понятию саморегуляции позволяет не рассматривать в качестве биполярных выражения «я мыслю» и «мне мыслится» (проблема, проанализированная А.В. Брушлинским); личностное Я представлено в усилиях при движении по шкале новообразований, а не только актуализации личностной и интеллектуальной регуляции решений и выборов.

При этом мы переходим к «вершинному» представлению саморегуляции (Корнилова, 2011), в то время как психологической литературе обычно представлены глубинные уровни регуляции (в частности, уровни мотивации или интеллекта). Это имеет дальние последствия; в частности, понимание, что на место «ресурсным» подходам в понимании интеллекта и креативности должны прийти модели, предполагающие динамические связи между когнитивными и личностными составляющими единого интеллектуально-личностного потенциала.

Интеллектуально-личностный потенциал выступает в качестве интерпретационного понятия, которому в психологической реальности соответствуют акты психологической регуляции решений и действий человека, за которыми стоят динамические регулятивные системы, включившие в себя те или иные иерархии процессуально представленных интеллектуальных и личностных компонентов. Понимание интеллектуально-личностного потенциала в нашем подходе противостоит тем самым ресурсным теориям (как в психологии интеллекта, так и в психологии личности) и тем концепциям и моделям выбора, которые ограничивают (замыкают) круг его психологической регуляции только личностной сферой или когнитивной.

МИФОСОЗНАНИЕ, ИДЕОЛОГИЯ И ЛИЧНОСТНОЕ БЫТИЕ

Косов А.В. (Калуга)
sanslav@kaluga.net

Характеризуя мышление в личностном аспекте, А.В. Брушлинский (Брушлинский, 1994) отмечал, что оно «...осуществляется в основном, но не полностью на уровнесознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)». Кроме того, по его мнению, мышление, как процесс, «функционируя в основном на уровне бессознательного, отчасти осуществляется относительно автономно и управляется, контролируется субъектом лишь косвенно, опосредствованно – через систему целей, осознаваемых мотивов, эмоций и т.д. Многоуровневая взаимосвязь сознательного и бессознательного – одна из наиболее актуальных и трудных проблем психологии субъекта». Таким образом, «субъект мыслит не только на сознательном, но и на бессознательном уровне (поскольку познавательная деятельность осознается, но далеко не полностью); ему мыслится не только на бессознательном, но и на сознательном уровне (поскольку мышление как процесс в ряде моментов все же частично осознается» (Брушлинский, 1994). «Сознательное и бессознательное – это не отъединенные (не отъятые) от субъекта психические “силы”, а различные, но взаимопроникающие, недизъюнктивные уровни его взаимодействия с миром (с другими людьми, с объектами и т.д.)» (там же). «Для человека как субъекта сознание особенно существенно, потому что именно в ходе рефлексии он формирует и развивает свои цели (которые могут быть только осознанными), т.е. цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности. При этом он осознает хотя бы частично некоторые из своих мотивов, последствия совершаемых действий и поступков и т.д.» (там же).

Мифосознание – специфическая форма сознания, особая форма миропонимания и мироосмысления действительности. С помощью мифосознания индивид выстраивает собственную модель мира, в которой существуют свои представления о его фундаментальных характеристиках.